

БЛЭК-КРИК

ГНИЛАЯ ПАДЬ

АЛЕКС ДАРК

18+

Алекс Дарк

Блэк-Крик. Гнилая падь

<https://litres.ru/74605619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Затерянный среди туманных лесов городок Блэк-Крик десятилетиями хранил зловещий покой. Но вековой заговор молчания рушится, когда лесничий Джек Морган находит в глуши тело человека, пропавшего сорок лет назад. Труп выглядит так, будто смерть наступила вчера. В это же время в город прибывает столичная журналистка Эва Вейс, разыскивающая исчезнувшую сестру.

Столкнувшись с угрозами со стороны местной власти, герои заключают вынужденный союз. В холодном мире Блэк-Крик, где опасность дышит им в спину, между бывшим военным и дерзкой чужачкой вспыхивает отчаянная, магнетическая страсть. Обостренные до предела чувства становятся их единственной защитой и источником тепла среди первобытного лесного ужаса.

Древний пакт нарушен, дороги отрезаны мертвым туманом, а болотная аномалия выходит из берегов. Чтобы выжить и остановить надвигающееся безумие, Джеку и Эве придется заглянуть в глаза собственным страхам и заплатить лесу свой незакрытый долг.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алекс Дарк

Блэк-Крик. Гнилая падь

Глава 1

Октябрь в Блэк-Крик пах гнилой хвоей, сырой землёй и скорым наступлением зимы. Туман наползал с болот Гнилой пади после пяти вечера, густой, как парное молоко, и тяжёлый, словно погребальный саван.

Джек Морган заглушил пикап на обочине лесной просеки. Лес молчал. Это была неестественная, давящая тишина, от которой закладывало уши. Ни шороха птичьих крыльев, ни писка грызунов. Джек положил тяжёлые ладони на руль, вглядываясь в серую пелену. Ему было под сорок, в его серых глазах и резких складках у рта читались все те долгие годы, что он провёл на войне. Лес был его убежищем, его личным чистилищем, где призраки прошлого стихали. До сегодняшнего дня. Сегодня даже деревья казались напряжёнными.

Он уже собирался завести мотор, как вдруг сквозь серую дымку впереди мигнули аварийные огни.

На обочине, уткнувшись носом в раскисшую грязь, стоял старенький «Мустанг». Из-под приоткрытого капота шёл ленивый сизый дым. А рядом, прислонившись спиной к крылу

машины, стояла женщина.

Она была не местной — Джек понял это сразу. На ней было лёгкое шерстяное пальто, совершенно не подходящее для здешних сырых лесов, и тонкий свитер, который сейчас промок от мороси. Она тщетно пыталась зажечь сигарету влажными пальцами. Её волосы потемнели от сырости и прядями липли к шее и лицу.

Джек вышел из пикапа. Его высокая, массивная фигура в армейской штормовке сразу заставила её напрячься.

— Блэк-Крик не любит чужаков, — вместо приветствия глухим, хриплым голосом произнёс Джек, останавливаясь в паре шагов. — А этот лес — тем более.

Женщина медленно опустила зажигалку. В её глазах — пронзительно-зеленых, вызывающих — не было страха. Был холодный, цепкий интерес. Она окинула его взглядом с ног до головы, задержавшись на широких плечах и шраме, рассекавшем левую скулу.

— Я заметила, — её голос оказался неожиданно низким, с мягкой, чувственной хрипотцой. — меня зовут Эва Вейс. И мне нужно в город, егерь. Мой мотор решил умереть именно здесь.

Она сделала шаг навстречу, и Джек почувствовал тонкий, совершенно нездешний аромат её духов — горький цитрус и дорогой табак, который мгновенно перебил запах болотной гнили. Ветер резко качнул ветви деревьев, и Эва вздрогнула от холода. Тонкая ткань её свитера намокла, облепив высо-

кую грудь, и Джек против своей воли зафиксировал этот силуэт взглядом. Внизу живота непривычно и остро потянуло — чувство, которое он не испытывал уже очень давно.

Эва заметила его взгляд. Её губы тронула едва заметная, дерзкая усмешка.

— Ну так что, большой парень? — она подошла ещё ближе, так что Джек услышал её быстрое дыхание. — Оставишь меня замерзать на съедение вашим местным волкам или пустишь погреться в свою кабину?

* * *

Внутри кабины старого «Форда» Джека пахло старой кожей, оружейным маслом и сухими травами. Когда Эва захлопнула тяжёлую пассажирскую дверь, отрезая их от глухого лесного шума и липкого тумана, пространство вокруг них сжалось до размеров спичечного коробка.

Джек включил печку на максимум. Горячий воздух с шумом ударил из дефлекторов. Эва шумно выдохнула, сбрасывая с себя мокрое пальто. Под ним оказался тот самый тонкий свитер крупной вязки из мягкой шерсти. От тепла капли воды на её коже начали испаряться, усиливая горьковато-цитрусовый аромат духов.

— Черт, здесь тепло, — пробормотала она, протягивая дрожащие руки к панели.

Джек не торопился трогаться с места. Он сидел, поло-

жив локти на руль, и боковым зрением наблюдал за ней. Его взгляд невольно скользил по линии её шеи, опускался ниже, туда, где под тяжёлой тканью свитера от холода отчётливо проступали контуры сосков.

Заметив его пристальный взгляд, Эва не смутилась и не попыталась прикрыться. Напротив, она медленно повернула голову. В полумраке кабины, подсвеченной лишь тусклой приборной панелью, её зелёные глаза казались кошачьими. Она потянулась к бардачку, нарочно притираясь плечом к его предплечью. Джек почувствовал это прикосновение даже через плотную ткань своей куртки — горячее, почти электрическое.

— У тебя есть что-нибудь выпить, егерь? — тихо спросила она, глядя ему прямо в губы. Расстояние между их лицами сократилось до нескольких сантиметров. Джек слышал её участвовавшее дыхание. Горячий воздух из печки смешивался с её выдохами, создавая душную, интимную атмосферу.

— В бардачке фляжка, — ответил Джек. Его голос прозвучал куда более хрипло, чем обычно.

Эва открыла пластиковую крышку, достала тяжёлую серебряную флягу и, отвинтив крышку, сделала приличный глоток. Она поморщилась — виски был дешёвым и крепким, — а затем повернулась к нему, удерживая флягу в руке. На её нижней губе осталась блестящая капля алкоголя.

— Крепко, — прошептала она.

Она не вернула флягу. Вместо этого Эва протянула ру-

ку и коснулась пальцами подбородка Джека, проследив линию жёсткой, недельной щетины до самого шрама на скуле. Её пальцы были ещё прохладными, но для Джека это прикосновение ощутилось как ожог. Внутри него, где-то глубоко под броней военных травм, ворохнулось глухое, яростное желание. Его рука сама собой легла на её бедро — обтянутое плотными джинсами, округлое и горячее. Он слегка сжал пальцы, чувствуя силу её тела.

Эва коротко вздохнула, её зрачки расширились. Она посмотрела на бейдж с инициалами, а затем подалась вперёд, и в этот момент Джек почувствовал, как её свободная рука опустилась ему на колено, медленно поднимаясь вверх.

— Ты не похож на простого егеря, Джек Морган, — выдохнула она прямо ему в губы, обдавая запахом виски и цитруса. — В тебе слишком много злости. И слишком много голода.

Напряжение между ними стало почти осязаемым, как натянутая струна. Ещё секунда — и этот салон превратился бы в место преступления против их собственного самообладания.

Но в этот момент снаружи, прямо за лобовым стеклом, в густом тумане что-то глухо и тяжело хрустнуло. Совсем близко. Как будто крупное животное — или человек — наступило на сухую ветку.

Джек мгновенно подобрался. Его левая рука взлетела к дверной ручке, а ладонь на бедре Эвы напряглась, оставаясь

на месте. Химия и страсть никуда не делись, но армейские рефлексy Джека взяли верх.

— Сиди тихо, — приказал он, и в его голосе больше не было той хриплой слабости. Только сталь.

Джек снял ладонь с бедра Эвы, оставив на плотной джинсовой ткани жгучее ощущение тепла, и потянулся к рукояти тяжёлого охотничьего фонаря.

— Не глуши мотор, — бросил он, не оборачиваясь.

Эва проводила его долгим, потемневшим от возбуждения и внезапного страха взглядом. Ткань все ещё сохраняла жар его пальцев.

Джек шагнул из тёплой кабины прямо в сырую, липкую темноту. Туман мгновенно облепил лицо, оседая каплями на щетине. Воздух здесь, снаружи, казался ледяным и пах мёртвой водой. Джек включил фонарь. Мощный луч света пробил серую пелену всего на пару метров, упираясь в стену из белесого пара и перекрученных ветвей.

Он медленно пошёл вдоль капота. Шаг. Ещё один. Ботинки бесшумно утопали в раскисшей хвое. Тишина вокруг снова стала абсолютной, если не считать приглушённого рокота мотора «Форда» за его спиной.

Вдруг луч фонаря выхватил из темноты ствол старой сосны. На высоте человеческого роста кора на дереве была ободрана. Джек подошёл ближе и посветил на свежую древесину. Это были не следы когтей медведя. Кору содрали руками. Глубокие, рваные борозды, словно кто-то отчаянно цеплял-

ся за ствол, оставляя ногти в древесине. А у самого корня в грязи виднелся отчётливый отпечаток — след босой, человеческой ноги.

Сзади раздался резкий, панический гудок пикапа.

Джек резко развернулся, вскидывая фонарь. В тумане, прямо у пассажирского стекла, где сидела Эва, мелькнул размытый, высокий силуэт. Он двигался абсолютно бесшумно, неестественно быстро растворяясь в серой мгле.

Джек бросился назад, рванул водительскую дверь и запрыгнул в салон, выключив фонарь. Эва тяжело дышала, её лицо в полумраке было бледным, а зелёные глаза лихорадочно блестели. Она крепко сжимала фляжку с виски.

— Там кто-то был, Джек, — прошептала она, и её голос впервые дрогнул. — Около моего окна. Оно... оно просто смотрело на меня сквозь стекло. Лица не было видно. Только очертания.

Джек молча включил передачу. Колеса пикапа взрыли грязь, вырывая машину на разбитый асфальт шоссе, ведущего к городу. Его челюсть была плотно сжата. Он знал этот лес слишком хорошо, но то, что они только что видели, не подчинялось законам природы.

* * *

Через двадцать минут сквозь туман проступили первые тусклые огни Блэк-Крик.

Город выглядел вымершим. Двухэтажные деревянные дома с тёмными окнами, редкие неоновые вывески, подмигивающие сквозь сырость. Они проехали мимо закрытой заправки и свернули к единственному в городе мотелю. Облезлая вывеска лениво трещала, распространяя бледный мертво-желтый свет.

Джек затормозил у главного входа. Напряжение в кабине за время поездки изменило свой характер: страх перед неизвестным в лесу снова трансформировался в тугую, первобытную жажду близости. Опасность обострила их чувства до предела.

— Твоя машина останется там до утра. Завтра я отбуксирую её в мастерскую, — сухо сказал Джек, поворачиваясь к ней.

Эва не спешила выходить. Она медленно перевела взгляд с унылых окон мотеля на Джека. Её промокшие волосы уже подсохли, рассыпавшись по плечам дикими волнами. Горячее дыхание касалось его шеи.

— Я не останусь здесь одна, Джек. Не после того, что было в лесу, — её голос прозвучал тихо, но в нём была абсолютная уверенность. Она протянула руку, её ладонь легла ему на затылок, пальцы запутались в коротких жёстких волосах, слегка потянув на себя. — Твой дом ведь за городом? Ответи меня к себе.

Джек посмотрел в её глаза, в которых страх мешался с откровенным, голодным вызовом. Его внутренние запреты

рухнули. Он резко перехватил её руку за запястье, сжав до лёгкой боли, и приблизил своё лицо так близко, что их губы почти соприкоснулись.

— Ты не знаешь, во что ввязываешься, Эва, — хрипло предупредил он.

— Знаю, — прошептала она, глядя прямо в его тёмные зрачки. — Поехали.

* * *

Хижина Джека стояла на самом отшибе, окружённая плотным кольцом вековых елей. Внутри было прохладно, пахло деревом и сухой хвоей. Едва Джек закрыл тяжёлую дубовую дверь на засов, отрезая их от внешнего мира, как Эва развернулась и прижалась спиной к деревянной стене.

Они не стали зажигать свет. Единственным источником были блеклые отсветы луны, пробивающиеся сквозь туман и не зашторенное окно.

Джек сделал шаг вперёд, перекрывая ей любое пространство для маневра своей массивной фигурой. Его руки упёрлись в стену по обе стороны от её головы. Несколько секунд они просто тяжело дышали, глядя друг на друга в полумраке, слушая, как бешено стучат их сердца после пережитого адреналинового шока.

— Джек... — выдохнула она, но он не дал ей договорить. Он резко подался вперёд, накрывая её губы своими. Это

не был нежный поцелуй — это было взаимное нападение. Джек целовал её жёстко, властно, по-хозяйски сминая её губы, отбирая дыхание. Эва ответила с такой же неистовой страстью: её рот раскрылся навстречу, язык сплетался с его языком в яростном ритме. Она застонала прямо ему в губы, её руки взлетели вверх, срывая с его плеч тяжёлую куртку, которая с глухим стуком упала на пол.

Джек подхватил её под бедра, легко отрывая от пола. Эва мгновенно обхватила его талию ногами, прижимаясь всем телом, чувствуя его жёсткую, твёрдую плоть через ткань брюк. Джек донёс её до широкой деревянной кровати, и они рухнули на плотное покрывало, не разрывая поцелуя ни на секунду.

Его большие, мозолистые ладони скользнули под её свитер. Кожа Эвы была обжигающе горячей. Джек потянул ткань вверх, безжалостно сдёргивая свитер через голову и отбрасывая его в темноту. Под ним ничего не было. В слабом лунном свете её высокая грудь с тёмными, твёрдыми сосками выглядела идеальной. Джек на секунду отстранился, его взгляд потемнел от вожделения. Он спустился поцелуями к её шее, кусая нежную кожу у ключицы, заставляя Эву выгибаться под ним и шумно, прерывисто дышать.

— Джек, пожалуйста... сейчас, — умоляла она, её ногти впивались в его широкую спину, оставляя красные полосы через тонкую ткань его армейской рубашки.

Он быстро избавился от своей одежды, обнажая мощное,

покрытое старыми шрамами тело военного. Каждое его движение было точным и сильным. Джек рванул застёжку на её джинсах, сдёргивая их вместе с бельём вниз, освобождая её длинные, стройные ноги. Эва осталась полностью обнажённой под его тяжёлым, горячим телом.

Джек раздвинул её бедра, устраиваясь между ними. Эва потянулась к нему, обвивая его шею руками, увлекая в новый, глубокий поцелуй. Джек подался вперёд, медленно и мощно входя в её податливое, сошедшее с ума от желания лоно.

Эва вскрикнула, запрокидывая голову, её пальцы намертво впились в его плечи. Внутри неё все горело, растягиваясь под его размером. Джек замер на мгновение, давая ей привыкнуть, чувствуя, как её интимные мышцы судорожно сжимают его, а затем начал двигаться — сначала медленно, а затем все быстрее и глубже.

Каждый его толчок был тяжёлым и сокрушительным. Кровать скрипела в такт их неистовому ритму. Эва стонала громко, не сдерживаясь, её тело содрогалось от каждого движения Джека. Она полностью подчинилась его грубой, животной силе, а он терял остатки самообладания от её жаркой тесноты и того, как неистово она требовала большего, выгибая навстречу таз.

В комнате стоял глухой звук сталкивающихся тел, прерывистого дыхания и сладковатый, пьянящий запах секса. Джек перехватил её ладони, прижимая их к подушке по обе

стороны от её головы, переплетая свои пальцы с её. Он двигался на пределе, вбиваясь в неё до самого упора. Эва задышалась, её глаза были закрыты, лицо покраснелось. Она чувствовала, как внутри неё закручивается тугая, невыносимая спираль.

— Джек, я всё... я сейчас... — всхлипнула она, судорожно цепляясь за его руки.

— Вместе со мной, Эва, — прорычал он ей в самые губы.

Оргазм накрыл её мощной, пульсирующей волной. Эва закричала, её внутренние мышцы сжались мёртвой хваткой, выжимая из него все силы. Это сжатие выбило из Джека остатки контроля. Он сделал несколько последних, яростных, глубоких толчков и с глухим, утробным рыком излился внутрь неё, содрагаясь всем телом и прижимая её к матрасу своим тяжёлым весом.

Они лежали в темноте, переплетённые, влажные от пота, слушая, как постепенно выравнивается их дыхание. За окном, в глубине чёрного леса, туман сгущался ещё сильнее, но здесь, в этой постели, они на время смогли заглушить страх.

Глава 2

Будильник на прикроватной тумбе затрещал в 05:30 утра. Джек открыл глаза мгновенно, без заминки и сонной утренней слабости — армейская привычка, въевшаяся в подкорку.

В комнате было серо и холодно. Одеяло сползло, обнажая плечо Эвы. Она спала на животе, уткнувшись лицом в подушку, разметав тёмные волосы по простыне. Без вчерашнего вызывающего взгляда и дерзкой усмешки она казалась хрупкой, почти уязвимой. На её бледной коже у ключицы отчётливо виднелся наливающийся багровый след — напоминание об их ночной ярости.

Джек бесшумно поднялся. Страсть ушла вместе с ночной темнотой. Сейчас, в холодном утреннем свете, внутри него снова включился профессиональный цинизм. Произошедшее ночью было адреналиновым сбросом, таблеткой от страха, которую они приняли вместе.

Он натянул плотные форменные брюки, зашнуровал тяжёлые берцы и надел куртку лесничего, взяв со стола термос с черным кофе. Джек бросил взгляд на кровать. Эва шевельнулась, но не проснулась. Он решил не будить её. Впереди его ждала работа.

Едва Джек переступил порог хижины, из густого утреннего тумана навстречу ему беззвучно поднялся массивный силуэт.

Это был Радар — огромный, матёрый кобель немецкой овчарки. У него был нетипичный, почти полностью угольно-черный окрас с редкими подпалинами на мощной груди и разорванное в старой стычке с койотами левое ухо. Джек привёз его пять лет назад из военного питомника. Радар, как и его хозяин, был списанным ветераном: он прошёл горячие точки, научился искать взрывчатку под обстрелами и потерял прежнего проводника. В Блэк-Крик они нашли друг друга — два поломанных войной одиночества, которые понимали друг друга без слов. Собака никогда не лаяла попусту, признавала только Джека и спала исключительно на крыльце, охраняя периметр.

Радар коротко, глухо ткнулся мокрым носом в ладонь Джека, приветствуя хозяина. Джек потрепал пса по жёсткой загривке.

— Охраняй дом, парень. Внутри гостя, — тихо, одними губами произнёс Джек.

Пёс понимающе приподнял уши, повернул голову в сторону двери хижины, а затем снова посмотрел на Джека. В его умных карих глазах читалось явное нежелание оставаться. Радар сделал шаг к пикапу и настойчиво проворчал, не спуская глаз с хозяина.

Джек вздохнул, чувствуя, что спорить с псом бесполезно. К тому же в лесу после вчерашнего ему не помешали бы чуткие уши ветерана.

— Ладно. В машину.

Радар одним мощным прыжком взлетел на заднее сиденье «Форда». Прогрев двигатель, Джек двинулся к границе четвёртого сектора — туда, где вчера они оставили «Мустанг» Эвы.

* * *

Через полчаса Джек уже шёл пешком вглубь леса. На его плече висел карабин, а на поясе — рация и охотничий нож. Под ногами хлюпал мох. Радар шёл строго по правую руку, двигаясь абсолютно бесшумно для своих сорока пяти килограммов веса. Его ноздри беспрерывно подрагивали, ловя запахи сырости.

Чем дальше они углублялись в сторону Шепчущей топи, тем сильнее менялся лес. Здоровые ели уступали место искривлённым, почерневшим стволам, которые веками росли под неестественными углами, словно пытаясь уползти от чего-то, скрытого в земле. Птицы по-прежнему молчали. Джек чувствовал, как затылок покалывает от чужого взгляда. Это не был страх перед диким зверем. Это было липкое, параноидальное ощущение, хорошо знакомое ему по засадам в Фаллудже: за ними наблюдали.

Вдруг Радар резко остановился. Весь его корпус напрягся, превратившись в монолит из мышц. Шерсть на загривке встала дыбом, а из пасти вырвался низкий, вибрирующий рык. Пёс смотрел в сторону вывороченных корней огромной древней сосны. Он не рвался вперёд, как при виде обычной дичи — он пятился, прижимая уши, что было для него совершенно несвойственно.

— Стоять, Радар. К ноге, — тихо скомандовал Джек, снимая карабин с предохранителя. Поддержка пса сейчас была единственным, что удерживало его от того, чтобы развернуться.

Джек сделал три шага вперёд, раздвигая тяжёлые, влажные ветви папоротника. Гнилостный запах болотной жижи здесь смешивался с чем-то сладковатым и приторным.

То, что лежало в углублении между корнями, заставило Джека замереть. Металл карабина в его руках показался ледяным.

Это был труп мужчины. Он лежал на спине, раскинув руки. Но его одежда — плотная джинсовая куртка-варенка, широкий кожаный ремень и массивные электронные часы «Монтана» — принадлежала совершенно другой эпохе. Концу восьмидесятых.

Самым жутким было не это. Тело не превратилось в скелет за столько лет. Кожа была бледной, слегка сероватой, но плотной, без малейших следов гниения или зубов лесных хищников. Будто человека положили сюда всего пару часов

назад. Из его приоткрытого рта, разрывая синюшные губы, толстым пучком прорастали гибкие, чёрные, глянцевые ветви без коры. Они оплетали шею, уходили под одежду и тонкими побегами пробивали кожу на щеках и веках, заменяя собой глазные яблоки. На концах этих ветвей дрожали мелкие, мёртвые чёрные листья.

Джек медленно опустился на одно колено, стараясь не дышать носом. На правой руке мертвеца, облепленной болотной грязью, тускло блеснуло массивное золотое кольцо с печаткой в виде эмблемы местной старшей школы Блэк-Крик и выгравированным годом: 1987.

Джек почувствовал, как по спине пробежал неестественный холод. Он знал это кольцо. Точно такое же, только отцовское, хранилось у него дома в коробке с документами.

Это был Томас Миллер. Старший брат его отца, который бесследно исчез в этих лесах осенью 1987, когда самому Джеку не исполнилось и года. Человек, которого весь город сорок лет считал беглецом, укравшим кассу местной лесопилки, лежал здесь. Свежий. Проросший чёрным деревом. Радар у его ноги издал тихий, жалобный скулёрж, утыкаясь носом в колено Джека — даже дрессированный военный пёс не выдерживал давления этого места.

В этот момент рация на поясе Джека ожила, пробиваясь сквозь белый шум и треск статики. Из динамика раздался прерывистый, панический голос шерифа Уолтерса:

— Морган! Морган, черт тебя дери, ты на связи?! Срочно

дуй к Шепчущей топи, у нас... у нас тут чертовщина на датчиках движения. Морган!

Джек взял рацию, не сводя глаз с пустых, проросших чёрными ветвями глазниц своего мёртвого дяди.

— Я уже здесь, Уолтерс, — глухо сказал Джек. — И тебе лучше приехать сюда одному. Без сирен.

* * *

Тяжёлые шаги шерифа Уолтерса Джек услышал задолго до того, как тот показался из тумана. Шериф шёл шумно, ломая сухие ветки и тяжело отдуваясь. Уолтерсу было под шестьдесят — грузный мужчина с багровым от высокого давления лицом, растрёпанными седыми усами и вечно недовольным взглядом.

Джека и Уолтерса связывали сложные, натянутые отношения. Шериф был из тех старожилов, кто помнил Джека ещё пацаном, и всегда относился к его возвращению с войны с подозрением. Для Уолтерса бывший военный с тяжёлым прошлым в тихом городке был пороховой бочкой. Джек же презирал шерифа за лень и за то, как ловко тот умел «не замечать» странные вещи, происходящие в Блэк-Крик.

Шериф вышел на поляну, держа руку на кобуре. Заметив Радара, который стоял как вкопанный и тихо рычал, Уолтерс поморщился.

— Убери пса, Морган. Он меня нервирует, — прохрипел

шериф, вытирая пот со лба, несмотря на утренний холод.

— Радар тебя не тронет, Уолтерс. Смотри лучше под ноги,
— Джек отступил на шаг, освобождая обзор.

Уолтерс подошёл к вывороченным корням сосны. Ладонь шерифа скользнула с кобуры, лицо мгновенно потеряло остатки багрового цвета, став землисто-серым. Он уставился на тело Томаса Миллера, проросшее чёрными глянцевыми ветвями. Его губы задрожали, а в глазах мелькнул первобытный, глубоко скрывааемый страх человека, который слишком хорошо понимал, что именно он видит.

— Господи... — прошептал Уолтерс, делая шаг назад. — Он не должен был...

— Уолтерс? — Джек резко повернулся к нему, его голос прозвучал как удар затвора. — Ты знаешь, кто это? Это Томас Миллер. Брат моего отца. Тот самый, которого ты сорок лет назад обвинил в краже денег и объявил в розыск. Посмотри на него. Он лежит здесь сорок лет, но его кожа не сгнила. Из него растут чёртовы деревья! Что здесь происходит?

Шериф Уолтерс судорожно сглотнул, оглядываясь по сторонам, словно туман вокруг них мог подслушивать. На его лице страх быстро сменился привычной маской чиновника, пытающегося взять ситуацию под контроль. Он подошёл к Джеку почти вплотную.

— Слушай меня сюда, Морган, — тихо, сипящим шёпотом произнёс шериф. — Ты сейчас закроешь свой рот. Ты

ничего не видел. Мы сейчас тихо погрузим это... это тело в твой пикап, отвезём в морг и закроем в холодильнике под замок.

— Это место преступления, Уолтерс! И это мой родственник! — Джек угрожающе подался вперёд, возвышаясь над шерифом. — Я вызываю криминалистов из округа.

— Никакого округа! — Уолтерс схватил Джека за куртку, его пальцы тряслись. — Ты не понимаешь, дубина армейская! Если ты поднимешь шум, если сюда приедут федералы или пресса... этот город просто сгорит. Лес не любит чужаков, Джек. Ты сам это знаешь. Твой отец знал это. Томас... Томас тоже думал, что он самый умный.

Шериф отпустил куртку Джека и тяжело выдохнул, пытаясь вернуть голосу твёрдость.

— Сорок лет назад твой отец согласился с официальной версией, чтобы защитить твою мать и тебя, когда ты был в пелёнках. Хочешь раскопать это дерьмо? Подумай о девчонке-журналистке, которую ты вчера притащил в свою хижину. Думаешь, я не знаю? Блэк-Крик видит всё, Джек. Если она продолжит совать нос в дела Гнилой пади, Шепчущая топь заберёт её следующей. Так же, как её сестру полгода назад.

Джек замер. Ладонь, лежащая на цевье карабина, сжалась так, что побелели костяшки пальцев. Шериф Уолтерс таил в своей голове гораздо больше, чем можно было найти в официальных полицейских отчётах.

Джек вернулся в хижину ближе к полудню. Мотор пикапа заглох, и на лесную поляну снова опустилась мёртвая, ватная тишина. Радар первым выпрыгнул из кабины. Пёс не побежал к своей миске, а сразу подошёл к двери и сел, напряжённо вглядываясь в чашу.

Джек вошёл в дом, не снимая куртки. Карабин он поставил у двери. Внутри пахло утренним кофе и едва уловимым, вчерашним ароматом Эвы.

Она сидела за деревянным столом, полностью одетая. На ней был тот самый свитер, но волосы уже были аккуратно собраны, а перед ней лежал раскрытый кожаный блокнот и старый диктофон. Увидев Джека, она резко поднялась. Черты её лица заострились, а в зелёных глазах читалось лихорадочное ожидание.

— Тебя не было почти шесть часов, — без предисловий сказала Эва. Её голос звучал ровно, но пальцы, сжимавшие ручку, выдавали напряжение. — И от тебя пахнет болотом. Что ты нашёл в лесу, Джек?

Джек прошёл к раковине, открыл кран и стал методично смывать с рук липкую чёрную грязь. Вода окрасилась в темно-серый цвет.

— Я нашёл Томаса Миллера, — глухо произнёс он, не поворачивая головы. — Брата моего отца. Он пропал в восемьдесят седьмом.

Эва сделала шаг к нему, нахмурившись:

— Нашёл... тело? Спустя сорок лет? Джек, от человека в таких лесах за сорок лет ничего не должно остаться. Местные хищники, сырость...

— В том-то и дело, — Джек выключил воду и наконец повернулся к ней, вытирая руки жёстким полотенцем. Его взгляд был тяжёлым, остекленевшим. — Он выглядит так, будто умер вчера. Но из него растут чёрные ветви. Они выросли сквозь его глаза и рот, Эва.

Эва замерла. Она медленно опустила руку на стол, переваривая услышанное. В её глазах мистический ужас на секунду победил детективный азарт.

— Это... это то же самое, — прошептала она, и её лицо побледнело. — Мой информатор в округе, до того как перестал выходить на связь, говорил о странных аномалиях в лесах Блэк-Крик. Джек, полиция должна оцепить этот сектор. Нужно вызвать экспертов, лабораторию...

— Полиция уже там, — отрезал Джек. Он подошёл к столу и сел напротив неё, положив тяжёлые ладони на деревянную поверхность. — шериф Уолтерс приехал сам. И он заставил меня молчать. Он приказал тайно вывезти тело в городской морг и спрятать его.

Эва резко подалась вперёд, напряжение между ними снова вспыхнуло, но теперь оно было заряжено яростью и предчувствием беды.

— Что значит «спрятать»? Это сокрытие улик! — её голос

сорвался на шёпот. — Хочешь сказать, шериф замешан во всём этом?

— Хуже, — Джек посмотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде она увидела то, от чего ей стало по-настоящему страшно. — Он сказал, ты ищешь свою сестру, Эва. Он дал мне прямо понять, что если ты продолжишь копать, Шепчущая топь заберёт тебя следующей. Они знают, зачем ты здесь. И они не дадут тебе уехать с правдой.

Эва откинулась на спинку стула. Страх сковал её лишь на мгновение, а затем её челюсть упрямо сжалась. Личный мотив — найти сестру — перевешивал любые угрозы Уолтерса. Она посмотрела на диктофон, затем на Джека.

— Значит, мы не оставим ему выбора, — твердо сказала она. — Шериф приказал увезти тело в город? Отлично. Мы едем туда. Мне нужно пробраться в этот морг и сделать снимки Томаса Миллера. Если Уолтерс хочет закопать эту тайну, мы раскопаем её первыми. Ты со мной, егерь?

Джек молча смотрел на неё. Вчера ночью она была спасением от кошмаров, а сегодня тянула его в самый центр адского круга Блэк-Крик. Но пути назад уже не было — Уолтерс ясно дал понять, что семья Джека замешана в этом деле по самые уши.

— У меня есть ключи от чёрного входа в муниципальный архив и цоколь больницы, — после долгой паузы ответил Джек, поднимаясь и беря карабин. — Мы поедem, когда стемнеет. Но если в морге начнётся чертовщина, ты будешь

делать ровно то, что я скажу. Идёт?

Эва кивнула, закрывая свой блокнот. Время физической тяги между ними прошло — они официально стали напарниками в расследовании, где на кону стояли их жизни.

Глава 3

Пока Джек в гараже методично перебирал снаряжение, проверяя фонари, рации и забивая патронами магазины карабина, Эва решила не терять времени и узнать больше об этом городе. Оставив его в хижине, она на старом пикапе лесничего добралась до центра Блэк-Крик. К полудню туман немного рассеялся, превратившись в серую ядовитую взвесь, которая висела над пустыми улицами.

Единственным живым местом оказалась закусочная «У Мэгги» — приземистое здание с потрескавшимися пластиковыми стульями и запахом пережаренного бекона. Эва вошла туда, стараясь выглядеть как обычная, слегка уставшая туристка. Металлический колокольчик над дверью резко звякнул. На секунду в зале воцарилась тишина: трое мужчин в рабочих комбинезонах за угловым столиком и пожилая женщина за стойкой одновременно повернули головы в её сторону. В их взглядах не было гостеприимства. Только глухое, настороженное отторжение.

Эва сели за стойку и заказала чёрный кофе. Женщина — сухая, с глубокими морщинами вокруг рта и бэйджилом «Марта» — молча налила ей дымящуюся жидкость, даже не взглянув в глаза.

— Приятный городок, — завязала разговор Эва, добавив

в голос мягкости. — Тихий. Я пишу путеводитель по глубинке штата. Расспрашиваю местных об истории, старых легендах.

Марта остановилась, вытирая полотенцем и без того чистую стойку.

— У Блэк-Крик нет истории, мисс, — сухо ответила она. — Обычный рабочий город. Приехали, посмотрели — поезжайте дальше. Здесь нечего ловить.

— Да ладно вам, — Эва слегка подалась вперёд, аккуратно открывая свой блокнот. — Я слышала, у вас тут очень интересные места вокруг. Местные старожилы ведь наверняка помнят что-то необычное? Например, исчезновения? Я читала в старых хрониках округа, что сорок лет назад, в восемьдесят седьмом, здесь без вести пропал молодой парень, Томас Миллер.

При упоминании имени Томаса Миллера полотенце в руках Марты замерло. Трое рабочих за угловым столом резко перестали звенеть вилками. Атмосфера в закусочной мгновенно изменилась, став тяжёлой и удушливой, как воздух перед грозой.

Марта медленно опустила руки на стойку и впервые посмотрела прямо на Эву. В её старых глазах затаился злой, предупреждающий страх.

— Миллер был вором и трусом. Украл кассу и сбежал, — хрипло, почти шёпотом произнесла она. — И вам, мисс, лучше закрыть свою книжку и убраться из города, пока ваш

«путеводитель» не закончился на плохой ноте. Чужаки, которые задают много вопросов про Гнилую падь, долго здесь не задерживаются. Прямо, как та девчонка, которая пропала полгода назад.

Марта резко развернулась и ушла на кухню, с грохотом захлопнув за собой дверь.

По коже Эвы пробежал холодок. Марта не просто что-то скрывала — она панически боялась любой попытки подобраться к правде. Упоминание сестры дало чёткую уверенность: Марта и остальные прекрасно знают о происходящем в этом городе.

Эва бросила на стойку пару долларов, забрала блокнот и вышла на улицу. Оглянувшись, она заметила, что один из рабочих у окна прижимал к уху мобильный телефон, не сводя с неё цепкого взгляда. Город уже начал охоту. Нужно было срочно возвращаться к Джеку.

* * *

Эва влетела в гараж хижины, тяжело дыша. Дверь пикапа с грохотом захлопнулась за её спиной.

Джек стоял у верстака под тусклой лампой. На деревянной поверхности ровными рядами лежали патроны 12-го калибра, два фонаря и две портативные рации. Радар сидел рядом на бетонном полу, его уши мгновенно повернулись в сторону Эвы.

— Они всё знают, Джек, — с порога произнесла она, бросая свой блокнот на капот пикапа. — Я была в закусочной Мэгги. Стоит только произнести имя твоего дяди или упомянуть Гнилую падь — они замыкаются. Официантка прямо сказала мне убираться, если я не хочу закончить как «та девчонка полгода назад». А когда я выходила, один из местных уже кому-то звонил.

Джек даже не вздрогнул. Он вогнал последний патрон в магазин дробовика «Моссберг», который решил взять вместо карабина для тесных коридоров цоколя, и глухо щёлкнул затвором.

— Это всё Уолтерс, — спокойно сказал Джек, повернув к ней лицо. В полумраке его шрам на скуле казался ещё бледнее. — Город завязан на эту тайну крепче, чем ты думаешь. Уолтерс держит местных на поводке. Но раз они зашевелились, у нас мало времени. Труп моего дяди долго в морге не продержится — шериф либо сожжёт его, либо закопает так глубоко, что мы никогда ничего не узнаем.

Он подошёл к ней, протягивая одну из раций и компактный чёрный фонарь. Эва взяла снаряжение, её пальцы на секунду коснулись его жёсткой ладони. Физическое притяжение между ними никуда не исчезло, но сейчас оно трансформировалось в холодную, звенящую собранность напарников перед боем.

— План такой, — Джек посмотрел ей прямо в глаза. — Окружная больница Блэк-Крик — это старое трёхэтажное

здание на южной окраине. Морг находится в подвале. В это время там дежурит только один санитар, старый Барни, который половину смены спит. Мы зайдём через подземный коллектор котельной — у меня есть ключи от технических дверей. Твоя задача — сделать снимки тела и забрать любые документы, если Уолтерс успел что-то оформить. Моя задача — прикрывать тебя и следить, чтобы мы не попались.

Джек повернулся к собаке:

— Радар, остаёшься в машине. Твоя задача — подать сигнал, если к больнице подъедет шериф.

Пёс тихо, согласно проворчал, словно действительно понимал каждое слово своего хозяина.

Джек накинул чёрную штормовку, скрывающую оружие, и посмотрел на часы. Стрелки показывали 21:40. За окном гаража окрестность окончательно погрузилась во тьму, а с болот Гнилой пади снова пополз плотный, липкий туман.

— Выходим, — коротко бросил Джек.

* * *

В подвале окружной больницы Блэк-Крик стоял тяжёлый запах формалина, отсыревшей штукатурки и ржавого железа. Джек аккуратно притворил тяжёлую металлическую дверь котельной, заперев её на ключ с внутренней стороны.

Длинный коридор цокольного этажа подсвечивался редкими, тусклыми лампами, которые лениво гудели. Бетонный

пол был ледяным. Джек шёл впереди, держа дробовик наготове, его шаги были абсолютно бесшумными. Эва шла следом, сжимая в одной руке фонарь, а в другой — цифровую камеру.

Они миновали заброшенные прачечные и свернули к железной двери с облупившейся табличкой «Морг». Из-за двери доносился приглушённый храп старого санитара Барни. Джек осторожно нажал на ручку — не заперто. Они скользнули внутрь, оставив спящего старика в его камерке, и прошли дальше, в секционный зал.

Здесь царил полумрак. В центре стояли два стальных анатомических стола. На одном из них под серой пластиковой простыней угадывались контуры человеческого тела.

— Это он, — тихо шепнул Джек, указывая стволом «Моссберг» на стол.

Эва подошла ближе. Её дыхание участилось. Холодная ладонь потянулась к краю простыни и резко дёрнула её вниз.

Вспышка адреналина заставила обоих замереть.

Тело Томаса Миллера изменилось со времени. Чёрные глянцевые ветви, прораставшие из его рта и глазниц, стали заметно толще. Самое пугающее — они продолжали расти прямо сейчас, в неестественных условиях больничного подвала. Мелкие, мёртвые чёрные листья на концах побегов слабо, едва заметно шевелились, хотя в комнате не было сквозняка.

Кожа мертвеца из сероватой стала желтушно-белой, по-

лупрозрачной. Сквозь неё на груди и шее чёрной паутиной проступали вены, которые выглядели так, будто по ним вместо крови циркулировал болотный ил.

— Боже мой... — выдохнула Эва, вскидывая камеру.

Радар у машины на улице, возможно, тоже что-то почувствовал, но в подвале стояла гробовая тишина. Раздался тихий щелчок затвора, за ним короткий писк фотовспышки. На цифровом экране Эва увидела нечто странное: на снимке лицо Томаса было полностью размыто сильной статической помехой, хотя руки и одежда получились чёткими.

И в этот момент потусторонняя сила заявила о себе на полную .

Лампа дневного света над их головами резко затрещала и погасла. Секционный зал погрузился в глухую, непроглядную тьму. Одновременно с этим температура в комнате упала так стремительно, что изо рта Джека и Эвы повалил густой пар.

Диктофон в кармане Эвы сам собой включился, издав громкий писк. Из его крошечного динамика сквозь страшный, леденящий душу треск статики прорвался потусторонний, низкий гул. В этом гуле отчётливо различался хриплый, шепчущий мужской голос:

«Дже-е-ек... Ты вернулся... Мы все ещё здесь...»

Джек мгновенно вскинул дробовик, включая подствольный фонарь. Луч света прорезал темноту и упёрся в стальной стол.

Тело Томаса Миллера больше не лежало неподвижно. Его грудная клетка судорожно, неестественно высоко выгнулась вверх, словно мертвец пытался сделать глубокий вдох. Чёрные ветви, растущие из его рта, зашевелились, с сухим деревянным треском раздвигая челюсти. Голова трупа медленно, с жутким хрустом шейных позвонков повернулась в сторону Джека. Закрытые проросшими побегами глазницы уставились прямо на него.

Эва вскрикнула, отшатнувшись назад и едва не сбив стойку для капельниц. В тишине подвала этот звук прозвучал как выстрел.

Рация на поясе Джека вдруг с шумом ожила. Из динамика раздался громкий, яростный лай Радара, оставленного в машине, а вслед за ним — далёкий, но быстро приближающийся вой полицейской сирены. Шериф Уолтерс мчался к ним, выжимая газ в пол.

Глава 4

Хруст шейных позвонков мертвеца утонул в оглушительном вое приближающейся сирены. Джек среагировал мгновенно, армейские рефлексy вытеснили оцепенение. Он перехватил Эву за предплечье, силой дёрнув её назад, прочь от шевелящегося на столе тела.

— Уходим. Быстро, — скомандовал он.

Диктофон в её кармане все ещё хрипел чужим, мёртвым шёпотом, пока Джек жёстким ударом ладони не выключил прибор. Луч его фонаря заметался по стенам подвала, выхватывая из темноты облупившуюся краску и тяжёлые трубы.

Они выскочили из секционного зала в длинный коридор цоколя как раз в тот момент, когда наверху, у главного входа в больницу, взвизгнули тормоза тяжёлого шерифского пикапа. Послышался глухой удар захлопнувшейся двери и яростный, захлёбывающийся лай Радара, оставленного в машине Джека. Собака честно выполняла свой долг, выигрывая для них время.

— Сюда, — Джек толкнул Эву к противоположному концу коридора, где за грудой сломанной медицинской мебели виднелась неприметная деревянная дверь, ведущая в подземный переход между корпусами.

Они бежали в полумраке, ориентируясь лишь на узкий

луч фонаря Джека. Позади них, в глубине коридора, послышался тяжёлый металлический грохот — шериф Уолтерс и его помощники ворвались в подвал через котельную.

— Морган! — разнёсся под сводами цоколя эхо-голос шерифа, сорвавшийся на хрип. — Я знаю, что ты здесь, ублюдок! Выходи, пока я не пустил твоего чёрного пса на подстилку!

Джек не ответил. Он навалился плечом на старую дубовую дверь в конце перехода. Петли закрипели, пропуская их в сырое, пахнущее столетней пылью помещение. Это был подвал старого муниципального архива Блэк-Крик, примыкавшего к больничному двору.

Джек захлопнул дверь и загнал тяжёлую задвижку. Руки его слегка подрагивали от адреналина, но дыхание оставалось ровным. Он повернулся к Эве. Она прислонилась к стене, тяжело и прерывисто дыша, её лицо в блеклом свете фонаря казалось восковым. Рука, сжимавшая цифровую камеру, тряслась.

— Ты видела его? — тихо, безжизненным голосом спросила она, глядя в темноту перед собой. — Он... он двигался, Джек. Деревья внутри него. Это не болезнь. Это что-то другое.

Джек подошёл ближе, мягко, но крепко забрал из её пальцев камеру и убрал в свой карман.

— Городской архив закрыт уже лет десять, — сказал он, проигнорировав её вопрос. Ему самому нужно было время,

чтобы переварить увиденное. — Сюда никто не зайдёт, пока Уолтерс прочёсывает больницу. У нас есть немного времени. Нам нужны документы восемьдесят седьмого года. Если мой отец и Уолтерс закопали эту историю тогда, здесь должны остаться хоть какие-то следы.

Он посветил фонарём вверх. Из темноты проступили бесконечные ряды тяжёлых деревянных стеллажей, заваленных серыми папками и старыми подшивками газет. Здесь, среди мёртвой бумаги, пахло старыми секретами города, который слишком долго молчал.

* * *

Джек встал рядом с Эвой. Его большие ладони уверенно перелистывали хрупкие, пахнущие плесенью страницы. Минут двадцать они работали в полной тишине, нарушаемой лишь шорохом бумаги и далёким, едва слышным воем сирен на улицах. Уолтерс все ещё прочёсывал больничные корпуса.

— Нашла, — тихо сказала Эва, подтягивая папку ближе к свету лампы. — Смотри сюда.

Джек наклонился к ней. На пожелтевшем листе был подшит рукописный рапорт лесничества, датированный 12 октября 1987 года. Подпись внизу заставила сердце Джека пропустить удар: Роберт Морган. Его отец.

— Это отчёт об обходе четвёртого сектора. Как раз там, где ты нашёл Томаса, — Эва быстро вела пальцем по строч-

кам. — Твой отец пишет, что обнаружил *«неустановленные биологические повреждения древесины»* в районе Гнилой пади. А на следующий день... смотри, следующее заседание совета. Здесь протокол.

Она перевернула страницу. В протоколе закрытого заседания, где присутствовали мэр, шериф Уолтерс и Роберт Морган, стояла короткая резолюция: *«В связи с инцидентом в четвёртом секторе объявить карантин. Гражданина Т. Миллера считать пропавшим без вести, причастным к хищению имущества лесопилки. Дело закрыть внутри ведомства».*

— Они списали всё на кражу, чтобы закрыть доступ к лесу, — Эва подняла на Джека глаза. — Твой отец был частью этого, Джек. Он знал, что Томас не сбегал. И я не думаю, что это простое исчезновение, посмотри на эти записи, люди, они... Их как будто приносили в жертву.

Она перелистнула несколько страниц назад, в глубь архива, где хранились более старые документы.

— Джек, здесь хронология за последние сто лет. Каждые сорок лет в Блэк-Крик бесследно исчезают ровно три человека. Мужчина, женщина и ребёнок. Всегда трое. 1907 год, 1947-й, 1987-й... И новый сорокалетний цикл начался шесть месяцев назад. Моя сестра была первой жертвой нового цикла. Она — женщина, которую забрал лес.

Эва зашарила пальцами по пожелтевшим газетным вырезкам, её голос сорвался на шёпот:

— Но твой дядя Томас... он из старого цикла. Лес не должен был возвращать его. Понимаешь? Уолтерс в такой панике именно потому, что вековые правила нарушены. Шепчущая топь почему-то вернула этого мертвеца обратно, целым и невредимым. Словно древний договор Блэк-Крик больше не работает. Тьма выходит из берегов, Джек, и ей будет мало трёх новых жертв, хотя сейчас она забирает именно их. И если моя сестра — первая, а восставший из мёртвых Томас стал вторым... значит, остался последний элемент. Лесу все ещё нужен ребёнок. Чтобы закрыть этот цикл, городу придётся отдать ребёнка.

Джек медленно перевёл взгляд на окно. Туман за стеклом казался живым. На часах была почти полночь.

Вдруг лампа на столе резко мигнула, издав предсмертный электрический писк, и с сухим треском погасла. В наступившей абсолютной темноте архива Джек услышал, как Радар на улице, далеко у больничного двора, оборвал свой лай. Наступила мёртвая, ватная тишина — пёс замолчал мгновенно, словно ему перерезали горло. А секунду спустя прямо за дубовой дверью архива, в заброшенном тёмном коридоре, раздался тяжёлый, волочащийся шаг. Кто-то — или что-то — медленно шло по их следам, скребя сухими, мёртвыми ветками по бетонным стенам.

* * *

Джек за секунду до паники Эвы накрыл её своей ладонью, призывая к тишине. В темноте архива звук волочащихся шагов за дверью стал отчётливее. Сухой деревянный скрежет приближался к дубовому полотну двери.

Джек поднял «Моссберг» и нажал кнопку подствольного фонаря. Мощный галогеновый луч прорезал темноту. Дверь архива, запертая на тяжёлую задвижку, содрогнулась от глухого, неестественно сильного удара. Затем ещё раз. Дерево жалобно затрещало.

— Назад, давай к окну, — одними губами скомандовал Джек, выталкивая Эву за стеллажи.

Третий удар буквально вынес дубовую створку вместе с куском старой коробки. В проем ворвался клубящийся серый туман. Но первым в зал шагнул не шериф.

В белом луче фонаря предстало существо, бывшее Томасом Миллером. На нём больше не было больничной простыни. Чёрные глянцевые ветви, проросшие из его рта, теперь оплетали всю верхнюю половину туловища, заставляя руки висеть под неестественными углами. Труп двигался дёргано, как сломанная марионетка. Из его пустых, проросших побегами глазниц текла густая болотная жижа. Он издал низкий, утробный гул, который вибрировал прямо в его груди.

Едва Джек успел вскинуть оружие, как из тумана за спиной мертвеца вынырнула грузная фигура шерифа Уолтерса. Его лицо было бледным, глаза шальными от ужаса, а в руке он сжимал тяжёлый револьвер.

— Морган! — истошно заорал шериф, наводя ствол то на Джека, то на дёргающееся тело Томаса перед собой. — Я не дам вам всё испортить!

— Уолтерс, стреляй в эту тварь! — крикнул Джек, удерживая шерифа на мушке.

Но шериф, казалось, полностью потерял рассудок от страха. Напряжение, копившееся внутри, прорвалось наружу. Выкрикнув что-то нечленораздельное, Уолтерс нажал на спусковой крючок. Оглушительный выстрел револьвера расколол тишину архива. Пуля прошла в сантиметре от головы Джека, разнеся в щепки верхнюю полку стеллажа. Сверху лавиной хлынули старые папки.

Джек выстрелил в ответ на рефlekсах, но умышленно взял чуть правее. Крупная картечь дробовика с корнем вырвала кусок дверного косяка рядом с плечом шерифа, осыпав того кирпичной пылью.

В этот момент оживший труп Томаса Миллера с жутким хрустом рванулся вперёд, но не на Джека, а на Уолтерса, словно старая обида вела его в первую очередь. Уолтерс, панически воя, развернулся и бросился обратно в туманный коридор, стреляя вслепую позади себя. Мертвец потащился за ним, увлекая за собой эхо жуткого гула. Ещё один выстрел револьвера прогремел где-то в глубине больничного перехода, заставив посыпаться штукатурку с потолка.

Возникший хаос дал единственную возможность для спасения.

— К окну! Давай! — Джек подбежал к узкому архивному окну, выходящему на задний двор.

Он ударил прикладом дробовика по ржавой решётке. Старые болты не выдержали, и железная конструкция с грохотом вылетела наружу, в грязь. Джек посадил Эву, помогая ей перелезть через раму, а затем перемахнул через подоконник сам.

Снаружи, в тумане заднего двора, к ним тут же подскочил Радар. Пёс тяжело дышал, шерсть на его загривке стояла дыбом, но он был цел — шериф просто запер его в машине, откуда тот сумел выбраться, выбив приспущенное стекло.

Из глубины здания больницы все ещё доносились крики Уолтерса и глухие удары. Город сходил с ума.

— В машину, быстрее! — Джек схватил Эву за руку, и вместе с псом они бросились через заросший двор к пикапу, оставляя позади крики, выстрелы и ожившее прошлое Блэк-Крик.

Глава 5

Старый «Форд» Джека нёсся по раскисшей лесовозной просеке, швыряя из-под колёс комья жирной чёрной грязи. Джек выключил фары ещё на съезде с шоссе. В кромешной тьме, густо замешанной на тумане Гнилой пади, он вёл пикап по памяти, ориентируясь лишь на едва заметные просветы между верхушками вековых елей.

Эва сидела на пассажирском сиденье, вцепившись обеими руками в приборную панель при каждой жёсткой выбоине. Её дыхание все ещё было прерывистым после перестрелки в архиве, а на бледном лице застыло выражение глухой сосредоточенности. Сзади, тяжело дыша, ворочался Радар. Пёс то и дело утыкался мокрым носом в плечо Джека, словно проверяя, цел ли хозяин. От шерсти овчарки пахло дождём и гарью.

— Куда мы едем? — тихо спросила Эва, не поворачивая головы. — В твою хижину нельзя. Уолтерс пришлёт туда своих парней.

— Знаю, — коротко бросил Джек, резко выкручивая руль влево. Машину занесло, но он жёстко выровнял её, уводя в неприметный, заросший кустарником овраг. — Мы едем на старый охотничий кордон. Сектор шестьдесят два. По бумагам лесничества это развалины, списанные ещё в девяно-

стых. Но я привёл его в порядок. Туда нет асфальтированных дорог, а рация Уолтерса там не ловит.

Пикап продирался сквозь хлещущие по лобовому стеклу ветви дикой малины и ельника. Наконец, колеса глухо удавились о каменистую почву, и Джек заглушил мотор. В ту же секунду кабину затопила тяжёлая, ватная тишина ночного леса.

Джек пару минут сидел неподвижно, прислушиваясь. На его коленях лежал «Моссберг», металлический ствол которого уже успел остыть. Снаружи не доносилось ни звука сирен, ни хруста веток. Уолтерс бы уже давно потерял их след в лабиринте старых просек.

— Выходим, — скомандовал Джек.

Они покинули пикап. Воздух здесь, на высоте, был ещё холоднее, а туман казался сухим и колючим. Из серой пелены проступили очертания приземистого строения — бревенчатый сруб с заколоченными окнами, глубоко вросший в землю под навесом из скальных пород и переплетённых корней. Со стороны неба кордон был абсолютно невидим.

Джек подошёл к тяжёлой двери, нащупал в темноте замаскированный засов и открыл его.

— Заходи, Радар, — шепнул он. Пёс скользнул внутрь первым, мгновенно проверяя углы.

Джек пропустил Эву вперёд и запер дверь на три оборота тяжёлого кованого замка. Внутри пахло сухими дровами, оружейной смазкой и застоявшейся пылью. Джек не стал за-

жигать свет. Вместо этого он достал из кармана маленькую парафиновую свечу и чиркнул спичкой. Слабый, колеблющийся огонёк выхватил из темноты скромную обстановку: узкую железную койку, грубо сбитый стол, буржуйку в углу и несколько стеллажей с консервами и снаряжением. Это было место, которое Джек строил для себя — одинокое, надёжное убежище, где он прятался от мира, когда призраки войны становились слишком громкими.

Эва остановилась у стола. Её плечи резко опустились, словно только сейчас, в относительной безопасности, её догнала колоссальная усталость. Она обернулась к Джеку, её зелёные глаза лихорадочно блеснули в жёлтом пламени свечи.

— Мы живы, — тихо произнесла она, словно сама не верила своим словам.

— Пока да, — Джек поставил дробовик у двери и снял тяжёлую куртку. — Но Уолтерс поднимет на ноги весь город к утру. Нам нужно обработать твоё плечо. Ты сильно ударилась, когда прыгала из окна.

* * *

Джек достал из навесного ящика армейскую аптечку и поставил её на стол рядом со свечой. Эва продолжала стоять, обхватив себя руками за плечи. Её била мелкая, едва заметная дрожь — запоздалая реакция на адреналиновый взрыв

и холод.

— Снимай свитер, — негромко сказал Джек, открывая пластиковый чемоданчик с медикаментами. — Надо взглянуть на ушиб.

Эва медленно кивнула. Её пальцы, все ещё испачканные архивной пылью, зацепили край плотной шерстяной ткани. Она потянула свитер вверх и через голову сбросила его на койку. Под ним ничего не было. В тусклом, колеблющемся пламени свечи её обнажённая кожа казалась золотистой, а на левом плече уже наливался синевой крупный синяк.

Джек подошёл ближе, держа в руке флакон со спиртом и чистый бинт. Когда он остановился напротив неё, Эва подняла глаза. В их глубине больше не было паники — только первобытный, голодный блеск, который Джек узнал мгновенно. Смерть только что прошла в сантиметре от них, и сейчас их тела требовали доказательств того, что они все ещё дышат.

Джек смочил марлю спиртом.

— Будет щипать, — предупредил он. Голос прозвучал неожиданно хрипло.

Он осторожно прижал влажную ткань к её повреждённой коже. Эва резко выдохнула сквозь зубы, но не отстранилась. Напротив, она сделала шаг вперёд, сокращая расстояние между ними до минимума. Джек почувствовал жар, исходящий от её тела, и горьковатый аромат её кожи, смешанный с запахом лесной сырости. Его пальцы на её плече напряглись.

— К черту это, Джек, — прошептала она, глядя прямо на его губы.

Она выбила марлевый тампон из его руки. Секунду спустя Эва прижалась к нему всем телом, запуская пальцы в его жёсткие волосы и с силой притягивая его лицо к себе. Её поцелуй был сокрушительным, отчаянным, со вкусом железа и страха. Джек глухо зарычал, отвечая на этот напор с накопленной за день яростью. Внутренние барьеры и армейская дисциплина — все сгорело в эту секунду. Ему жизненно необходимо было почувствовать её тепло, чтобы заглушить мёртвый гул Шепчущей топи, все ещё стоявший в ушах.

Он подхватил её, легко отрывая от пола, и в два шага перенёс на узкую походную койку. Металлическая сетка жалобно скрипнула, когда они рухнули на жёсткий матрас. Джек не тратил времени на бережность. Его ладони, жёсткие и тяжёлые, бесцеремонно скользили по её рёбрам, сжимали тонкую талию, поднимались выше, сминая полную грудь с твёрдыми, горячими сосками. Эва выгибалась под ним, шумно, прерывисто дыша, и судорожно рвала пуговицы на его форменной рубашке. Она хотела чувствовать его кожу, его шрамы, его тяжесть.

Джек рванул пряжку своего ремня и за секунду избавился от мешающей одежды. Джинсы Эвы полетели на пол следом. В тесном пространстве кордона, под ровный стук дождя по крыше, они остались полностью обнажёнными, соединёнными в яростном, диком ритме.

Джек раздвинул её колени и без предисловий, мощным толчком вошёл в неё на всю глубину. Эва громко, хрипло вскрикнула, запрокидывая голову и намертво впиваясь ногтями в его спину. Она обхватила его поясницу ногами, увлекая ещё глубже, требуя жёстче, быстрее.

Это не было похоже на их первую ночь в хижине. В этом сексе не было нежности — только чистый, первобытный инстинкт выживания. Джек двигался быстро и сокрушительно, вбиваясь в её податливое, сошедшее с ума от желания тело. Скрип кровати сливался с их тяжёлым дыханием и глухими стонами Эвы, которая не пыталась сдерживаться. Она ловила каждый его толчок, отвечая на него всем телом, полностью растворяясь в его грубой мужской силе.

В комнате пахло потом, спиртом и разгорячёнными телами. Джек перехватил её руки, прижимая её запястья к матрасу над головой, фиксируя её и заставляя принимать каждый его удар. Его глаза были тёмными, почти чёрными от возжеления и адреналина. Эва смотрела на него сквозь пелену слез и удовольствия, чувствуя, как внутри неё тугой узел стягивается до предела, готовый взорваться.

— Джек... о господи, Джек, да... — задыхаясь, прошептала она, судорожно сжимая интимные мышцы вокруг его напряжённого члена.

Судорожные сокращения её тела сорвали последние тормоза Джека. Сделав три глубоких, яростных толчка, он с глухим, утробным стоном извергся внутрь неё, наваливаясь

всем своим тяжёлым, покрытым потом телом.

Они лежали в темноте, не разрывая объятий, слушая, как постепенно замедляются удары их сердец. Радар у двери тихо вздохнул и положил голову на лапы. Опасность не ушла, но прямо сейчас, на этой койке, они отвоевали у тьмы ещё одну ночь.

*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.